ра, провал на фестивале. Я действительно поверил, что это провал. Критики размазали фильм по стенке, хотя зрители приняли его хорошо. Я переживал три недели, потом сказал себе: "Я сделал фильм, который хотел сделать? – Сделал. – Мог ли я сделать его лучше? – С моими знаниями и умениями – нет. – Значит, я сделал все, что в моих силах". С этой мыслью я пошел спать, а утром обнаружил, что боль прошла. Мой период траура по "Голубой бездне" закончился. А буквально через несколько часов пришли первые данные о кассовых сборах за первую неделю проката! Потом – еще и еще. Это было очень странно пережить и провал, и триумф одного и того же фильма. У меня немного поехали мозги, и в этот момент я начал заниматься "Никитой". В этот момент мне очень хотелось доказать, что успех "Голубой бездны" – не случайность. Что я в совершенстве владею постановочными приемами. Что я могу взять малоизвестную актрису и в одночасье сделать ее звездой. И так далее – в общем, много такого, чем сегодня трудно гордиться.

– После "Никиты" была "Атлантида". Новый вызов – фильм под водой. Вы снова что-то себе доказывали?

– Думаю, во время съемок "Атлантиды" я получил свои главные уроки по режиссуре. Потому что нет ничего труднее, чем заставлять играть рыб! И тем не менее мне приходилось заставлять их играть! (*Смех*). Я добивался от них нужных движений, нужных ракурсов. После этого фильма у меня больше не было трудностей в работе с актерами. Когда после этого оказываешься на съемочной площадке в кругу актеров, которые выучили свой текст и только спрашивают, куда им идти – к камере или от камеры, – хочется всех их расцеловать за исполнительность.

– Три года спустя вы выпустили "Леона".

– "Леон" – это прежде всего три компонента. Гэри, Натали и Жан. Гэри – потому что до тех пор я еще ни разу не работал с такой мощной актерской машиной. Это настоящая "Формула-1": нажал на кнопочку – и поехали! Не нужно искать вслепую, просто говоришь: "Мне нужно красное с небольшим оттенком фиолетового". И получаешь то, что просишь. С этого момента начинаешь требовать нового и нового – просто, чтобы понять, как далеко можно зайти. А после 25 дублей Гэри говорит: "Ты уверен, что еще не получил все, что тебе нужно?" А ты с раскаянием говоришь: "Я уже все давно получил – просто не могу прекратить этот кайф!" (*Смех*). А вот Натали – совсем другое дело. Сначала меня поразил ее талант, талант, о котором она в то время даже не подозревала. Затем я начал ее бояться. 12-летний ребенок может работать собранно не больше 20 минут – потом нужно помочь ему расслабиться, позволить поиграть или подурачиться. Для Натали таких проблем не существовало. Но зато на второй день съемок мы в чем-то не сошлись, она ушла в уголок, и я вдруг понял, что она может вот сейчас вообще бросить съемки. Контракт контрактом, но с 12-летним ребенком мы ничего сделать не сможем. И с этим страхом я и снимал все остальные сцены. Хотя перед съемками я об этом даже не задумывался. И, наконец, Жан. Мы с ним были так давно знакомы, он снимался в моем первом фильме, но только теперь я дал ему настоящую главную роль. Больше всего меня тронуло терпение, с которым он ждал этой роли. Он всегда был рядом и никогда ничего не просил. Думаю, он вообще относится к кино философски: "Чему быть – того не миновать". Я никогда не забуду день, когда вручил Жану сценарий "Леона": пригласил его домой на обед, мы долго трепались ни о чем, а на десерт я вручил ему сценарий в подарочной коробочке с ленточкой. Он воскликнул: "Так ты все время знал, что дашь мне это!" Мы разошлись часов в 11, а в 2 часа ночи он позвонил мне и, чуть не плача, начал благодарить. Это было чертовски трогательно.

– И, наконец, "Пятый элемент".

– Поначалу это должен был быть чисто французский фильм. После 10 месяцев подготовительных работ Gaumont решила прикрыть проект, потому что он показался слишком дорогим и сложным. Потом вышел "Леон", все изменилось, но к этому времени я уже вел переговоры с Голливудом. Думаю, работа в Америке над "Леоном" сильно меня обогатила, помогла лучше понять профессию. Благодаря участию американской стороны я смог поработать с Брюсом Уиллисом и познакомиться с Миллой. Я увидел ее на пробах, она показалась мне интересной, и я мысленно отметил для себя ее имя, чтобы встретиться с ней через три месяца, во время финального тура проб. Второй раз мы встретились в Лос-Анджелесе. Удивительно – мы натолкнулись друг на друга в холле отеля. Она считала, что я давным-давно о ней позабыл. Она была без косметики, не причесана, не наряжена – совершенно натуральная красота. Мы выпили по стаканчику и я предложил ей продолжить пробы прямо сейчас. Мы поднялись ко мне в номер, где у меня была видеокамера, и я начал ее тестировать, чтобы понять, на что она способна. Мы работали часа полтора – очень интенсивно, в разных направлениях, разных стилях. Например, я называл ей чувства, а она "переводила" их в слова на несуществующем языке. Или, например, я просил ее закрыть глаза, а потом открыть их так, чтобы стало ясно: она видит впервые. Она очень устала, но я понял, что в ней есть потенциал настоящей актрисы. Но больше всего меня в ней поразило умение полностью отдаться персонажу и истории.

– Получая режиссерский "Сезар" за "Пятый элемент", вы посвятили его Жене и Кунену.

– Я считал своим долгом напомнить голосующим, какой работой они занимаются. Можно любить или не любить фильм, но нельзя примешивать свои чувства к профессиональной оценке. Потому что "Сезар" за режиссуру должен оценивать именно режиссерскую квалификацию. Я считаю, что и "Доберман", и "Воскрешение чужого" заслужили премию именно за режиссерское мастерство.

– Вместе с Куненом и Кассовицем вы создали общество "1Б2К". С какой целью?

– Пока это скорее идея, нежели конкретное начинание. Нам приятно тешить себя мыслями, что мы следуем примеру Копполы, Спилберга, Лукаса, Де Палмы, Скорсезе, они познакомились, работая у Роджера Кормана, и дружат до сих пор, показывают друг другу свои фильмы. Режиссер должен общаться с людьми, которые умеют задавать настоящие вопросы и искать настоящие ответы.

– За эти 10 лет вы много встречались со многими кинематографистами. Кто произвел на вас наибольшее впечатление?

– Приятнее всего общаться с теми, в ком творец уживается с хорошим человеком. Когда я познакомился со Спилбергом, он прежде всего повел меня на свою съемочную площадку – он как раз снимал "Затерянный мир". Он был полностью поглощен своим фильмом и в то же время – очень щедр и совершенно не стеснялся моего присутствия. Время от времени он говорил мне: "Садись вот здесь, тут удобней. Я собираюсь сделать вот так, а как бы сделал ты?" Он был очень открыт идеям, и сначала это меня удивило, а потом я понял, что он просто не боится чужих идей. Это очень помогло, например, когда я решил пригласить Кассовица и Кунена на съемки "Жанны". Я сказал им: "Ребята, вот камеры – снимайте".

– Вы встречались с Кэмероном, с Тарантино?

– Да. С Кэмероном нас объединяет любовь к морю. "Атлантида", "Голубая бездна", "Бездна", "Титаник" – это фильмы-родственники. Я показывал Кэмерону в Лос-Анджелесе "Атлантиду". Он пришел со всеми своими друзьями-подводниками, это было здорово. Когда я занимался "Пятым элементом", он расширял свою фирму спецэффектов Digital Domain, и я стал одним из его заказчиков. С Тарантино мы виделись два или три раза, он мне понравился. Я был рад, что он получил "Золотую пальмовую ветвь" за "Криминальное чтиво". Хорошо, что есть фильмы, которые гладят публику против шерсти, показывают иной способ делать кино. Нечто подобное я испытал, когда посмотрел "Диву" Бенекса. Это удивительное ощущение – влюбленность в фильм, который освежает кинопейзаж, открывает двери.

– В финальных титрах "Жанны Д'Арк" можно прочитать благодарность Мадонне и Стингу. В чем их вклад?

– Потому что в некий момент я испугался того, что все идет слишком гладко. Я хотел проверить на посторонних людях впечатление, которое производит фильм. Я немного знал обоих и пригласил их посмотреть незаконченный фильм. Мне было немного страшно, потому что я знал требовательность обоих. Я заранее предупредил их , что комплименты мне не нужны – меня интересует, что, по их мнению, нужно улучшить. И они оба мне очень помогли. Стинг – англичанин. Мадонна – женщина. Их мнение было очень полезно.

– После "Жанны Д'Арк" вы не возобновили контракта с Gaumont.

– Мы всегда работаем по такому принципу: на каждый фильм – отдельный контракт.

– Но при этом поговаривают, что у вас подписан контракт в Голливуде с кинокомпанией Fox.

– Это контракт о сотрудничестве с моей кинофирмой Seaside – общий контракт о финансовой и материальной поддержке проектов.

– У вас лично подписан контракт с Fox?

– Нет.

– Есть ли в вашей фирме Seaside проекты, которые вы собираетесь в ближайшее время запускать?

– Пока еще рано об этом говорить. Пока мы присматриваемся, ищем, встречаемся с интересными людьми. Мне хочется работать с кем-то, а не против кого-то. Мне не хочется уезжать из Франции.

– Вас часто приглашают остаться?

– Я отказываюсь от этих приглашений уже 10 лет.

– Но теперь у вас там есть собственный дом.

– Нет, у меня нет там дома. Я жил в Лос-Анджелесе всего полгода во время пост-продукции "Пятого элемента", потому что нам пришлось делать спецэффекты в Голливуде. И мне хотелось бы уточнить по поводу одного недоразумения. Уже 10 лет я веду борьбу за право европейского кино на существование. Веду почти в одиночку. Я снимал "Пятый элемент" не в Голливуде, как почему-то считает большинство французских журналистов. Я снимал этот фильм в Лондоне, с английскими и французскими сотрудниками. Это была чисто французская постановка. "Жанну Д'Арк" я снимал в Европе с французскими сотрудниками. Другое дело – актеры. Я беру тех, кого считаю наиболее подходящими для роли. Кто мог заменить Брюса Уиллиса в "Пятом элементе"? Кто мог сыграть совесть Жанны лучше Дастина Хоффмана?

– В последнее время часто говорят о том, что французское кино больно и зрители его отвергают. Что вы об этом думаете?

– Я думаю, что французское кино слишком долго почивало на прошлых лаврах, пользуясь своей репутацией. Одновременно с этим иные аудиовизуальные формы набирали силу. От них отмахивались со снобизмом: "Ах, это всего лишь телевидение!" В результате кино утратило контакт со зрителем.

– Вас не приглашали читать лекцию в Femis?

– Нет, никогда. Впрочем, это их дело. Наверное, это действительно важно – защищать идею элитарного французского кино. Но при этом у нас страшно не хватает национальной школы популярного кино, не хватает режиссеров, которые снимали бы великие фильмы о великих чувствах. Нет фильмов, на которые ходили бы толпы! Сегодня публика очень быстро насыщается. Они смотрят хороший фильм, проходит две недели, и они уже ждут следующий. А ведь, чтобы сделать хороший фильм, нужно два года.

– Вы верите, что скоро наступит эра цифрового кино?

– Это неизбежно. Посмотрите, что происходит в музыке. Музыкальный бизнес всегда опережал кино на 10 лет. Сегодня можно записать альбом за три недели. В кино скоро будет то же самое. Скоро мы будем покупать трехчасовые фильмы за 50 франков – фильмы режиссеров, которые появятся в Интернете, будут сами снимать, сами монтировать, сами играть и сами распространять фильм через Сеть.

– Если будет так, то какая разница, где жить – в Европе или в Америке?

– Думаю, это философский вопрос. Как и ученые, художники являются национальным богатством. Многие удивляются – почему я не уезжаю, несмотря на все нападки и издевательства. Отвечаю: я люблю свою страну, в ней много великих художников, много такого, что нуждается в спасении. Я не хочу, чтобы это ушло навсегда.

– В этом году вам исполняется 40 лет. Вы не боитесь утратить контакт со зрителем?

– Мне не нужно налаживать контакт. Я чувствую себя таким же человеком, как любой зритель. Я езжу на мотоцикле, питаюсь в Макдоналдсе, хожу в кино, плачу за квартиру, а если идет дождь – езжу в метро. Я вожу детей в школу, а потом забираю их из школы, я смотрю те же новости по телевизору.

– Но сегодня основная масса зрителей – люди в возрасте от 15 до 20 лет. Вы не спрашиваете себя, чем можете их заинтересовать?

– Я не пытаюсь кого-то заинтересовать. Я просто делаю то, что кажется интересным мне.

Жан-Пьер ЛАВУАНА